

К.А. Кроневальд
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель к.ф.н., доцент И.Н. Островских

ЗНАЧЕНИЕ ЭПИГРАФОВ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Роман М.А. Булгакова «Белая гвардия», действие которого разворачивается в 1918 году, начинается с двух эпиграфов: «Пошёл мелкий снег - и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, - закричал ямщик, - беда: буран!» [А.С. Пушкин «Капитанская дочка»] и «И судимы были мёртвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...» [Отк.20,12].

Первый эпиграф – цитата из главы «Вожатый» «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, где Петруша Гринёв впервые встречается с предводителем крестьянского восстания.

Связь двух романов, обозначенная в эпиграфе, очевидна; в частности, «Белая гвардия» и «Капитанская дочка» сближаются темой бунта и революции. Наиболее значим здесь образ-символ бурана, имеющий мифологические коннотации и характерный для многих культур. В словаре символов мы читаем, что буря, буран - «Демонстрация божественной силы. В Библии Бог говорит с Иовом из бури. Индийская иконография рисует богов бури, особенно Рудру с заплетенными волосами, выражающими нарастающую энергию тайфуна». [4,с.35].Также "бурю (буран) сравнивают с ударами судьбы и мировым несчастьем" [5, с. 53] Но если в «Капитанской дочке» буран символизирует будущий бунт, то в «Белой гвардии» – революцию и перевороты в Киеве, которых, по подсчетам киевлян, было всего восемнадцать. В романе буран представлен как знак времени. Он выступает началом насилия, а не символом преобразования мира. «Ну, думается, вот перестанет, начнётся та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится всё страшнее и страшнее. На севере воет и воет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли» [2, с. 286]. Метельная сила разрушает жизнь семьи Турбиных, жизнь Города. Белый снег у Булгакова не становится символом очищения.

Самим выбором эпиграфа автор подчеркнул, что речь в его первом романе идет о людях, вначале трагически заблудившихся в буране революции и все же нашедших, наконец, в ней свое место и дорогу. В.Сахаровотмечает:«Этим же эпиграфом писатель указал и на свою непрерывающуюся связь с классической традицией, и прежде всего с историзмом Пушкина, с «Капитанской дочкой», замечательным размышлением великого национального поэта о русской истории и русском народе, частью которого были Пугачев, Гринев, Савельич, капитан Миронов

и его дочка, императрица Екатерина и сам Пушкин». [3, с. 16]. Сразу вспоминаются кровавые времена пугачевщины, описанные в "Капитанской дочке". Проводя параллели и соотнося слова, вынесенные в эпиграф, со временем действия в «Белой гвардии», мы понимаем, что речь в романе пойдет совсем о других Пугачевых: современных, образованных, преследующих совершенно иные цели.

И «Капитанская дочка», и «Белая гвардия» написаны на одну тему – о русском бунте, и эта тема дает необходимую высоту взгляду автора на исторические события.

Сахаров отмечает: "Так как пламя такого великого события, как гражданская война (каковой и было пугачевское восстание), освещает и разъясняет жизнь прежнюю, ее людей и новую действительность, впечатляющее столкновение различных социальных сил, непонятно жестокое движение истории, отчаяние и озлобление в очередной раз обманутых народных масс» [3, с. 17].

С действиями героев, их характерами и принципиальностью связан и второй эпиграф романа: «И судимы были мёртвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...» - это цитата из «Откровения Иоанна Богослова», последней книги Библии [«Апокалипсиса»].

Апокалиптическая тема разрабатывалась в русской литературе с древних времён до наших дней. Перед революцией она получила особенно широкое распространение. Когда революция начиналась, представление, что это и есть начало Страшного Суда, получило распространение и широчайшее признание.

Впрочем, Булгаков сам раскрывает значение эпиграфа, взятого из Откровения Иоанна Богослова, приводя в последней, двадцатой главе романа отрывки из его текста. С этой точки зрения эпиграф можно толковать не только как мотив суда и возмездия, но и как намек на полный текст Откровения. Царская Россия переживает конец света, советская Россия предстает перед читателем «новым небом и новой землей», не обязательно качественно лучшей, но качественно новой. Старый мир ушел безвозвратно. Вторая часть эпиграфа усиливает ощущение о пришедшем на землю великом несчастье. Михаил Булгаков предостерегает современников и потомков от неверных поступков. Обращаясь к Библии, он напоминает о неизбежности Страшного суда и возмездия за грехи.

Таким образом, эпиграф романа, то есть самое его начало, и финал иллюстрируют одну тему – тему Великого Суда, что позволяет говорить об особой композиции произведения: начало отражается в финале и наоборот – финал отсылает обратно к началу. Этот факт подчеркивают и два эпизода застолья: первое проходит в начале романа, второе – почти в финале, после выздоровления Алексея Турбина. Булгаков пишет: «И все было по – прежнему, кроме одного – не стояли на столе мрачные, знойные розы... Не было и погон ни на одном из сидевших за столом, и погоны уплыли куда-то и растворились в метели за окном» [2, с. 260-261]. Начало Двадцатой главы романа тоже сначала полностью повторяет начало главы Первой: «Велик был и страшен год по рождеству Христовом 1918...» [2, с. 263]. Цикличность

гибели и возрождения мира подчеркнута «малыми» циклами нескольких человеческих жизней, хотя говорить о полном возвращении к тому, что было, конечно же, нельзя.

Апогеем Страшного Суда станет второе пришествие Христа: «И увидел я отверстное небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и истинный, Который праведно судит и воинствует...» (Откр., 9:11). Перед человечеством предстает Бог – Судья, «из уст (которого) исходит острый меч, чтобы поражать народы» (Откр., 19:15). Образ этого меча звучит в финале романа «Белая гвардия», где «над Днепром с грешной и окровавленной и снежной землей поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч». Мир осужден, и над ним уже занесен карающий меч. «Последняя ночь расцвела», - пишет Булгаков. В эту ночь опять звучат слова Апокалипсиса: «И увидел я мертвых и великих, стоящих перед богом...; и судимы были мертвые...», - читает Русаков «потрясающую» книгу, а перед нами проходят герои романа, не подозревающие, что они находятся на пороге вечности. Слова, вынесенные в эпиграф, звучат для всех и для каждого уже не как слова предостережения, а как слова приговора великого и беспощадного Судьи.

Роман «Белая гвардия» был «завершен», когда итоги революции и гражданской войны были уже известны. Писатель считает, что все их участники, на какой бы стороне они ни выступали, должны быть судимы «сообразно с делами своими». Таким образом, эпиграфы к роману М.А. Булгакова «Белая гвардия» раздвигают временные границы, помогают осознать вечность затронутых автором проблем и понять булгаковскую трактовку истории.

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 2002. – С.293
2. Булгаков М.А. Белая гвардия. – М.: Детская литература, 1990. – 284 с.
3. Сахаров В.И. М.А. Булгаков в жизни и творчестве: Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. – М.: Русское слово–РС, 2002.
4. Словарь символов и знаков / Сост. Н.Н.Рогалевич. – Минск; Харвест 2004. – 510 с.
5. Энциклопедический словарь символов / Автор-сост. Н.А.Истомина. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. – 1056 с.